

ДИРДАЙЛЕ

*Ольденфурт, побережье Дорнгерна,
14 сентября 1840 года*

Кеннет Бреннон не был красавцем в привычном смысле этого слова. Лицо — скуластое, с широко расставленными серыми глазами, тяжелым квадратным подбородком и длинным прямым носом; волосы — светло-рыжие, взъерошенные, как мокрые перья, хотя недельная щетина была скорее золотистой, а брови — светло-каштановыми. В Риаве, где капитан родился, разноцветные брови, волосы и борода считались признаком особой удачливости — и как раз на удачу капитан пожаловаться не мог.

Бреннон стоял у трапа и следил за окончанием погрузки багажа и товаров, которые взялся перевезти за весьма приятную сумму из Ольденфурта в Сан-Мариани, с заходом в один из южных портов Риавы. Погрузка уже заканчивалась, и Кеннет обратил внимание на тощего старика со всклокоченной бородой, который метался по пристани в осенних сумерках. Наконец старик заметил

рослую, широкоплечую фигуру капитана Бреннона и бросился к нему с криком:

— Сэр! Дорогой сэр!

Хотя он обратился к капитану на дейрском, Бреннон решил сделать скидку на невежество местных и сказал:

— М-да?

Старик, одетый в изношенный длинный балахон, запустил в бороду обе руки и тяжело дышал. Капитан Бреннон молча ждал, похлопывая по широкой ладони стопкой подорожных листов и товарных накладных.

— Сэр... Это... возьмите... это вам.

Кеннет в изумлении уставился на туго набитый кошелек, который старец выудил откуда-то из-под бороды.

— Мне?

— Мало? — испугался старик.

— Нет, — ответил капитан брига «Аберрейн». — Непонятно.

— Вы берете грузы на борт? — торопливо спросил старик, все еще пытаясь всунуть в руки Кеннета кошелек.

— По товарной накладной, пассажирской подорожной или почтовому ордеру.

— А... э... и больше никак? — с робкой надеждой пробормотал собеседник.

— Контрабандой не занимаюсь, — отрезал Бреннон. Это была неправда. Но старик не вызывал у него доверия.

— Это не контрабанда! Я заплачу! Я... клянусь...

— Пассажиров беру с багажом, — буркнул Кеннет, вновь поворачиваясь к проплывающим вверх по трапу сундукам и тюкам.

— Ну тогда считайте ее пассажиркой, — решил старец. Когда капитан снова оглянулся на чудного старика, то с немалым удивлением увидел, как этот тощий сухарь тащит к нему длинный ящик, сильно смахивающий на гроб.

— Это что?

— Пассажирка, — ответил старик, утирая пот со лба.

— Отец, — сурово сказал Бреннон, — не смешно уже.

— Это не шутка! Сэр! — взмолился старик. — Я заплачу... только никаких накладных написать не смогу...

— Да почему же, черт подери?!

— Потому что вы должны будете выбросить ее за борт, когда пройдете до середины моря Дессен.

Когда капитан достаточно пришел в себя для внятного ответа, двужильный старец подволок ящик почти к самым ногам Бреннона. Ящичек был, к слову, весьма внушителен: шесть футов в длину и три в высоту. На темном дереве мягко светились головки гвоздей — то ли посеребренные, то ли на самом деле серебряные.

— И что, она там? — наконец спросил Кеннет. Старик кивнул. — А похоронить не пробовали?

Старик помотал бородой. Бреннон пристально смотрел на него, выискивая признаки помешательства. Мелькнула мысль насчет портовой полиции.

Правда, быстро исчезла — в тюках с шерстью в трюме «Аберрейн» были контрабандные ружья, пули и порох для подполья.

— Нет, — сказал капитан. В глазах старика появилось отчаяние.

— Прошу вас... там моя жена...

— Жена?!

— Покойная, — торопливо добавил старик, осеняя себя крестным знамением. Кеннет моргнул. Происходящее уже совсем вышло за рамки здравого смысла.

— Я не могу понять, чего вы от меня хотите?

— Похороните ее, — прошептал старик. — Она так хотела, чтобы ее похоронили в море...

Бреннон устало провел рукой по лбу.

— Отец, у меня не похоронная контора, и...

— Но, сэр, прошу вас! Я заплачу! Я не могу... это было ее последнее желание... разве я могу...

Капитан присел на корточки, чтобы лучше рассмотреть ящик. Добротный, хорошо заколоченный гроб не из дешевых. На крышке вырезано распятие. Все как полагается. Смущали только гвозди. Бреннон провел пальцем по головке ближайшего гвоздя.

— Серебро?

— Да.

— Зачем?

— Сэр, это ведь для моей жены. Чтобы красиво. Капитан поднялся.

— Сколько?

— Сто тридцать шесть крон золотом, — застенчиво пробормотал старик, снова протягивая ему кошель.

— У меня на борту есть священник. Пассажир. Придется заплатить...

— О, не волнуйтесь, сэр. Все необходимое уже сделано, осталось лишь предать... ее... — Голос старца дрогнул.

— Ну ладно. Предадим в лучшем виде, — хмыкнул Бреннон, взвесив в ладони кошелек. Осталось пересчитать деньги и затащить ящик — тьфу, гроб! — в трюм ночью, когда пассажиры разбредутся по каютам. Кеннет понимал, что наличие в трюме гроба едва ли их осчастливит. Меньше знают — крепче спят.

В каюту Кеннета заскреблись, когда он заполнял судовой журнал.

— Чего надо? — отозвался Бреннон, досадуя на фонарь, со скрипом качающийся в такт движению «Аберрейн». Надо бы привинтить лампу к столу.

— Санкт-Себастьян прошли, — отозвался Ян из-за двери. — Просили напомнить.

Капитан отложил карандаш и бросил взгляд в иллюминатор.

— Свистни сюда Фрэнка и Дрейка.

— Хорошо, кэп.

Кеннет задумчиво потер щетинистую щеку. Гвозди — вот что не давало ему покоя. Зачем заколачивать гроб любимой жены серебряными гвоздями? Оно красиво, конечно, кто же спорит, но...

«А ты, старушка, ничего не чувствуешь?»

«Аберрейн» сердито поскрипела переборками. Она вообще не жаловала покойников и к гробу в трюме отнеслась настороженно. Кеннет побарабанил пальцами по столу. Он чувствовал, что «Аберрейн» категорически не понравился этот груз, хотя, в общем, это личное дело каждого, как хоронить своих жен, но черт побери, гвозди-то зачем серебряные?!

Правда, можно вскрыть гроб. Все равно ведь потом за борт.

Бреннон поморщился. За тридцать шесть лет он повидал всякое. Но топить в море гроб с любимой женой? Капитан снова придвинул к себе журнал и вгрызся в сухарь, который остался от ужина. В Кеннете зрело желание вскрыть к чертям этот ящик, обнаружить труп и успокоиться. Тем более что пассажиры — в основном люди тихие, из небогатых, — с наступлением темноты забились в каюты, никто не помешает. До Шеллингхерста еще двое суток в пути, но чем раньше они разберутся с гробом, тем лучше.

В дверь снова стукнули.

— Фрэнк, Дрейк? Вы, что ли?

— Да, сэр, — раздался снаружи блеющий дискант Фрэнка. С таким тембром парню впору поступать в хор кастратов. Визг пилы и то был ниже тоном. И куда мелодичней!

— Заходите.

Оба матроса были родом с риадского юга: рыжие, невысокие, коренастые, крепко сбитые — так и казалось, что их в Южной Риаде попросту штампуют по одному образцу. Но даже эти крепыши с трудом заволокли ящик в трюм. Покойница, видимо, была

не из хрупких; тем больше удивляло то, что старик допер гроб до корабля в одиночку.

— Гроб помним? — коротко осведомился капитан. Матросы захмыкали и переглянулись.

— А то как же, сэра, — отозвался Дрейк. Обычно моряки из суеверия старались не говорить на борту «покойник» и «похороны», но Бреннон суеверий не одобрял и ценителей подобных традиций в команду не брал.

— Вот и отлично. Возьмите и отправьте за борт.

— Это как бы похоронить, что ли? — уточнил Дрейк. Бреннон кивнул. — А попа надо звать?

Кеннет на секунду задумался. Старик уверял, что отпел жену по всем правилам; у капитана не было повода ему не верить. Раз уж серебряных гвоздей на жену не жалко...

— Звать не надо, — решил Бреннон. — Вытащите его из трюма, а проводить я сам выйду.

— Лады, сэра. Я к вам стукну, когда вытащим.

— Отлично.

Матросы ушли; Кеннет вновь хмуро уткнулся в журнал, сунул в рот сухарь (судя по его твердости, изготовленный еще до спуска «Аберрейн» на воду) и взялся за карандаш. Однако мысли Бреннона блуждали далеко от координат и сводок погоды. Что-то не давало ему покоя, помимо возмущения «Аберрейн», но вот что?

— Во дают, — заметил Фрэнк, склоняясь над гробом и светя на него фонарем. — Видал? Гвозди-то серебряные!

Дрейк удивленно взглянул на приятеля:

— Правда, что ли? Да брось. Кто станет гроб серебром заколачивать?

— Зажрались, — фыркнул моряк и провел пальцем по головке гвоздя, потом протер ее рукавом. Серебро нежно мерцало в свете фонаря. — Нет, точно — серебряные, как из ювелирной лавки.

Дрейк оставил веревку, которую разматывал с тем, чтоб накинуть на гроб и вытащить его из трюма, склонился над плечом Фрэнка и покачал головой.

— Как только исхитрились? Оно же мягкое.

Фрэнк задумчиво огляделся по сторонам. В трюме, кроме них, никого не было. Багаж пассажиров и грузы сдвинуты к бортам и привязаны, но ящик капитан велел поставить ближе к лестнице, чтоб не далеко тащить.

— Слышь, Дрейк... а давай вытащим?

— Кого? Чего? — вздрогнул матрос.

— Гвозди. Смотри, чистое серебро, а покойнице оно без надобности.

— С ума спрыгнул? Кэп за такое башку отгрызет.

— Да ладно тебе ныть, — сказал Фрэнк. — Кэпа тут нет, а крышку мы обычными гвоздями заколотим. Бабе-то этой уже все равно, а гвоздиков тут три дюжины. Никто не узнает.

— Кэп узнает, — убежденно произнес Дрейк. — Он всегда все узнаёт. Шею свернет как есть.

Фрэнк поежился. У кэпа был нелегкий характер. В гневе — особенно.

— Ворами ославит, — продолжал здравомыслящий Дрейк. — Ни одного контракта больше не подпишут. Оно тебе надо?

— Да кто ему скажет? Гроб заколотим, он и не заметит. Я гвозди поновее выберу, а так — он что, щупать их будет?

— Может, и будет, — с сомнением протянул Дрейк. Три дюжины гвоздей из серебра — это ж сколько в фунтах? Мысль казалась заманчивой... — Фрэнк, ну брось. Оставь ты эту покойницу. Может, ее мужик на эти гвозди последнее потратил. Кэп опять же...

Фрэнк посопел. Но ведь кэп и не узнает. Матрос вытащил из-за ремня нож и осторожно поддел лезвием первый гвоздь. Дрейк молчал. Фрэнк неторопливо поддегивал гвоздь вверх, раскачивая его потихоньку.

— Метнись-ка к Патрику, — сказал Фрэнк, вытащив первый гвоздь и принимаясь за второй. — Если не спит — спроси ящик с инструментом. Если спит — так возьми.

Дрейк вздохнул. Над своим ящичком корабельный плотник трясся больше, чем скряга над мешком с деньгами, но в такое время Патрик обычно спит..

Когда Дрейк вернулся в трюм вместе с плотничьим ящичком, то Фрэнк уже вытащил с десяток гвоздей. Дрейк перевел дух — кэп, обозленный тем, что они долго возятся, вполне мог явиться в трюм самолично и самолично же содрать с них шкуру. Однако им пока везло. Дрейк поставил ящик около гроба и принялся выбирать самые новые, блестящие гвозди — в темноте на пару минут сойдут за серебро. Фрэнк выудил из ящичка щипцы и задумался. Не попортят ли они добычу? В тишине трюма

вдруг раздался глухой стук, похожий на одиночный удар сердца.

— Это чего? — Дрейк удивленно поднял голову. — Неужели багаж плохо привязали?

Фрэнк с досадой выругался: еще только этого не хватало! Упаси бог что-нибудь в сундуке побьется — ор будет на весь порт. Была у них одна такая, везла морем пять семейных сервизов на двенадцать персон, а у одной чашки откололась ручка...

Глухой удар. Дрейк замер.

— Фрэнк, — сказал он, — это из гроба.

Удар повторился, но теперь за ним последовал слабый треск, похожий на треск скорлупы. Гроб слабо вздрогнул. Чуть качнулся стоящий на крышке фонарь.

— Что за черт? — прошептал Фрэнк. Дрейк попятился от ящика: что-то ему это не нравилось. Он задумался, и спустя пару секунд его мозг родил мысль:

— Может, скажем кэпу?

— Совсем сдурел? — Фрэнк нервно облизнул губы и занес щипцы. — Нет, теперь уж надо...

Крышка гроба чуть приподнялась, и матросы услышали что-то вроде слабого вдоха.

— Там что, живой? — прошептал Дрейк. Моряки попятились к лестнице на палубу, когда следующий удар довершил начатое Фрэнком. Крышка бесшумно сдвинулась в сторону. На бортик ящика легли тонкие белые пальцы.

Через полчаса Кеннет покончил с журналом и сухарем, откинулся на спинку стула, вытянул длинные

ноги и мрачно уставился в стену. Даже без негодования «Аберрейн» гроб в трюме не добавлял радости и спокойствия. Одно дело — везти усопшего для того, чтобы похоронить в земле предков, а другое — тайком, в ночи, утопить в море. Бреннон достал из кармана кошель. Деньги были настоящие, без обмана, и, чего уж тут скрывать, сумма приятно грела душу. Больше ста тридцати крон за плевое дело!

«И что тебе так не нравится?» — подумал Кеннет, но «Аберрейн» не ответила. Ладно, пора с этим разобраться — отправить покойницу за борт, и дело с концом. Но где, черт побери, запропали Фрэнк с Дрейком? За это время уже можно было перетаскать на палубу дюжину гробов! Капитан поднялся, и вдруг «Аберрейн» шумно вздохнула. Это уже была не тревога, не возмущение, не отвращение морской девы к мертвечине на борту. Сердце Кеннета екнуло. С кораблем что-то случилось. Вернее — на корабле что-то случилось. Капитан ринулся вон из каюты, захватив револьвер.

На первый взгляд на палубе все было в порядке, но Бреннон чувал, куда его ведет «Аберрейн» — в трюм, к гробу. Бреннон отодвинул крышку трюмного люка и стал спускаться. Снизу сочился свет фонаря. Значит, эти двое еще там. Тогда почему не слышно ни звука, кроме скрипа переборок? Они там спят, что ли?

«Чертовы идиоты! — подумал капитан спустя минуту. — Недоношенные ублюдки! Я же велел им выбросить этот проклятый ящик за борт!»

И где они сами? Неужели удрали? По палубе раскатилась россыпь серебряных гвоздей. Чуть поодаль от гроба лежал перевернутый сундучок с инструментами плотника, на полу стоял фонарь. Бреннон подошел к гробу. Крышка его была чуть сдвинута. Капитан попытался приладить ее на место, но не смог. Кеннет рывком сдернул крышку. Его мертвые матросы лежали в гробу, нежно обнявшись, и запах крови витал над ними, как аромат дорогих духов.

Он сидел в каюте, машинально выщелкивал патроны из револьверного барабана, и они с мягким стуком падали на пол. Запах крови стоял в трюме его «Аберрейн», терпкий и острый. Даже здесь он преследовал Кеннета. Даже сейчас. Он не помнил такого сильного запаха крови с тех пор, как спас морскую деву от сумасшедших религиозных фанатиков. Вот уже семь лет она была его верной спутницей — духом и сердцем его корабля.

И сейчас она шептала ему в скрипе снастей и переборок, что на борту появилась опасность — неведомая тварь, которую он из жадности допустил на корабль, не послушав предупреждений «Аберрейн».

Кеннет бросил револьвер на койку и запустил руки в волосы. Оупение начало проходить. У Дрейка где-то осталась мать, надо будет отдать ей долю сына за плавание, а у Фрэнка в Коллингшеме живут старик отец и сестра-вдовица... Вот два идиота! Какого черта они решили вскрыть гроб?!

«А какого черта ты взял сомнительный груз?» — тут же шепнула совесть. Проклятие! Знал же, что жадность до добра не доводит, казалось бы, еще семь лет назад должен был выучить урок, но нет!

Кеннет залил в глотку еще полстакана виски. На корабле появилось нечто, пьющее кровь. Восемнадцать человек команды, считая кока и самого капитана, десять пассажиров и целых два дня до Шеллингхерста. Две ночи. Оно успеет сожрать всех. Кеннет слышал о таком — обычные байки моряков в любом порту мира о кораблях-призраках, которые дрейфуют по морям без единой живой души на борту. Чертовски правдивые байки.

Хотя с чего бы ему в них не верить? Он вообще со своим кораблем разговаривает — а тот еще и отвечает. «Аберрейн» вздохнула и поторопила его. Нужно было защитить пассажиров, изловить тварь и отправить ее за борт. Бреннон открыл рундук. Там лежали двуствольный дробби и старый парадный мундир офицера имперского флота. Мундир застегивался на круглые серебряные пуговицы.

Над «Аберрейн» покачивались большие алмазные звезды, за бортом слышался умиротворяющий шелест волн, а полковник Шрайбер ехал домой. На ночь глядя в салоне осталось совсем немного пассажиров: престарелый священник, который уместился под лампой и читал книгу, дама лет пятидесяти с дочкой, явно засидевшейся в девках, обе — длинные и тощие, как вязальные спицы, которыми мамаша орудовала с видом

бывалого убийцы, некий хлыщ, мучающий кроссворд в газете, — и никого, с кем можно было бы скоротать вечерок. Полковник пригладил русые усы с проседью. Грузный, массивный, будто сейф, в черном мундире кайзерской гвардии, с бриллиантовым крестом Святого Георга на груди — Шрайбер казался себе лучом света в этом царстве обывательского мрака. Фыркнув, полковник решительно затопал к двери, распахнул ее — и взгляд его встретил обворожительную улыбку молодой дамы.

— Ох, герр! — воскликнула молодая женщина (хорошенькая, наметанным глазом определил Шрайбер). — Не могли бы вы мне помочь?

— Конечно, фройлен. С великой радостью!

Улыбка стала застенчивой.

— Я не могу уснуть, а пробка в бутылочке со снотворным слишком тугая, мне ее не вытащить.

— О, фройлен! Конечно! Где бутылочка?

Прошло несколько минут после того, как полковник устремился на помощь фройлен. Юный хлыщ, сосланный отцом в провинцию за неумеренное мотовство, сполз в кресле, прикрылся газетой и похрапывал. Мать и дочь взирали на него с алчностью голодных хищниц. Священник читал. Когда дверь салона распахнулась, ударившись об стенку, все пассажиры дружно подпрыгнули. Возникшая на пороге фигура капитана отчего-то не внушила им спокойствия.

— Так, — изрек Бреннон, словно щелкнул зубами волк. — Эти здесь. Отлично. Надеюсь, вы не собираетесь покидать салон?